

вставить вместо имя рек, свое имя или имя своего клиента».¹⁸² Знакомство с рукописью БАН (Тек. пост., 613) показывает, что «предисловие», известное Буслаеву, есть не что иное, как значительное сокращение (с устранением имен) подлинного вступления к повести, представляющего собой послание инока Матфея к иноку Моисею, «духовному брату», с увещанием прекратить пьянство. Послание направлено из Усть-Шексны в Троицкой монастырь «Вологодские страны» по просьбе Моисея, который нуждался в поддержке, и, помимо назидания, содержит любопытный материал для представления о борьбе монахов в первой половине XVII в. с «пьянственным змием». Рассказав «притчу» о пьянице и хмеле, Матфей продолжает свое послание (оно, таким образом, обрамляет «притчу», и все сочинение носит общее заглавие: «Послание к некоему иноку о хмелю»). После значительного сокращения этой заключительной части послания и образовалось «заключение» повести в списке Архива Министерства иностранных дел, справедливо охарактеризованное Ф. И. Буслаевым как наивное («к нравучительной» повести были присоединены частные советы «духовному брату» о мере потребления вина, способах протрезвления, и т. п.). Из сопоставления списка БАН с изданным Ф. И. Буслаевым вытекает следующее.

1. Список, известный Ф. И. Буслаеву (Архив Министерства иностранных дел, № 250), безусловно восходит к списку БАН (Тек. пост., 613) (может быть, не прямо) и представляет следующий этап «жизни» текста.

2. Либо «Повесть о высокоумном хмеле» была лишь включена Матфеем в его послание «кир Моисею» (в этом случае наблюдается любопытный пример бытования повести), либо Матфей был причастен к авторству (или обработке) ее. Ответ на этот вопрос может дать изучение повести по всем спискам. Во всяком случае «Послание к некоему иноку о хмелю» представляет большой историко-литературный интерес, ибо напоминает о традиции Киево-Печерского патерика, переписке Симона и Поликарпа.

Изучение литературной истории цикла Сказаний о пьянстве поможет в решении вопросов о связи их с апокрифической литературой и о последующем использовании цикла в старообрядческой рукописной традиции.

К «Сказаниям о пьянстве» (и прежде всего к «Повести о происхождении винокурения») приближается по некоторым особенностям «Сказание о происхождении табака», распространенное в основном в старообрядческой среде, а в XVIII в. традицию этих нравучительных сказаний-легенд развивают повести о картофеле.

Историко-литературное значение «Сказания о происхождении табака» усиливается его связью со сказаниями о Красноборских чудесах, записанными в 1641 г.,¹⁸³ одно из которых, присоединенное к тексту повести о табаке, напомнило А. Н. Веселовскому распространенный в народе апокриф — «эпистолию о неделе».¹⁸⁴ Неизвестно, на каком этапе литературной истории и Сказания о происхождении табака произошло это присоединение, так как текстологическое исследование сказания отсутствует. Сказание и несколько других сочинений этого цикла издавались несколько раз по отдельным спискам.¹⁸⁵ Так же, как и в случае со Сказаниями о пьян-

¹⁸² Там же.

¹⁸³ А. С. Орлов. Народные предания о святынях русского севера. — ЧОИДР, 1913, кн. 1, отд. III, стр. 47—50.

¹⁸⁴ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной, стр. 462—465.

¹⁸⁵ Библиография В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, стр. 291—292; Библиография А. А. Назаревского, стр. 153—154.